

Своё вступительное слово к первому сборнику стихов Николая Петрова «Волшебный напиток», который вышел в издательстве «Вертикаль. XXI век» годом ранее, я закончил утверждением, что к читателям пришёл «вполне сформировавшийся поэт». И вот мы подготовили к выходу в свет второй сборник нижегородского автора. Новая книга в полной мере подтверждает правильность моих прежних слов.

По душевному, эмоциональному своему состоянию это, пожалуй, и не новый сборник, а естественное, органичное продолжение первой книги «Волшебный напиток». Обе они — и «Волшебный напиток», и «Перламутровый сон» — это две неотъемлемые части. Они отражают единый мировоззренческий взгляд автора на проживаемую им жизнь со всеми возможными чувствованиями и судьбоносными перипетиями. Этот поэтический двухтомник открывает одновременно и неповторимый, индивидуальный внутренний мир автора, и красоту окружающего его мира, где есть место природе, любимой женщине, воспоминаниям детства,

размышлениям о праведности и неправедности происходящих вокруг нас событий. Ведь все эти события, хотим мы того, или нет, влияют на нашу жизнь.

Но поэты затем и явлены в этот мир, чтобы совсем иначе открывать его нам, обычным людям. Чтобы мы в будничном вдруг увидели (а вернее всего — подспудно ощутили, почувствовали) нечто прекрасное и вечное, что так долго остаётся незамеченным, не признанным, не познанным нами, но без чего наше существование было бы немыслимым. Именно оно, это непознанное чувство спасительно живёт в наших душах весь срок, что отмерен нам в земной жизни.

Но начало всех начал кроется в нашем детстве. В тех воспоминаниях, что, как нечто самое сокровенное, сохранили мы в своей памяти. Оттого-то они так и тревожат, так волнуют сердце.

Вот и у Петрова воспоминания, переживания детства вызывают, правда, не только сладостно-горькие чувства, но и натаалкивают автора на философски-обобщённые размышления:

*Запах дыма душу растревожил,
Вновь вернул в далёкие места,
В хорошо знакомый мне до дрожи
Край весёлых игр и озорства.*

*Солнце детства ярче слепит очи,
Каждый звук наполнен колдовством.
Тишина — хозяйка тёмной ночи,
Как живая, дремлет под кустом.*

*В небе звёзды светятся иначе,
В них любовь и вечная тоска,
И ручей о чём-то шепчет плача,
Убегая вдаль от родника.*

*На кустах туман повис белёсый,
Скрыв от мира смертного меня,
И молчат таинственные плёсы,
В глубине безмолвие храня.*

*Почему — не знаю, только чаще
Слышу нежный зов издалика,
Где светлее дни, природа краше
И белей на небе облака.*

*И безумно вкусен запах дыма,
Хоть и горек он порой на вкус...
Будь ты вечно Господом хранима
Детства моего лесная Русь!*

Почему лесная? Да потому что вся жизнь поэта связана с заволжским краем, с семёновской стороной. Я не знаю, уезжал ли он из этих мест, скитался ли по белу свету, жил ли в степных или тёплых, приморских пределах. Вижу только по стихам одно — вся поэзия Николая Петрова — это гимн родной стороне детства. И когда даже «философствует» поэт, и это происходит у него на фоне природы, переживается с природой:

*Дождик льёт за окном, и стучится, и плачет
И кружится печаль одиноким листком.
По пустынным полям неприветливо скачет
Чёрный всадник-октябрь, не грустя ни о ком.*

*Ускакать бы и мне, и в лесах раствориться,
И уснуть до весны крепким сном под метель,
Чтоб потом не спеша в отчий край возвратиться
В близкий сердцу звенящий капелью апрель.*

Хотя, конечно, есть у автора стихи и чисто созерцательные. Они имеют свою ценность, свою притягательность:

*Подснежники — прекрасные цветы,
Лесов весенних маленькая радость,
Увидишь их, и сонная усталость
Блаженствует от тихой красоты.*

*Их много на полянах, среди берез,
И там, где сосны, тоже их немало.
Земля под снегом отдыхать устала
И, вот, проснулась в половодье грез.*

Безусловно, как и всякий поэт, Петров немало строк посвятил любовной, гражданской лирике. Иными словами — вся полнота мироощущения наша отражение в его произведениях.

Меня тронули стихи Николая Михайловича потому, что как и у всякого честного русского человека его душа не черства.

Вот читал я написанные им строки, а сам вспоминал свои ощущения во время пробуждения природы в чистые весенние дни, в знойное полдниковое лето, в дождливые осенние сумерки или когда воеет за окном неприветливый ветер, а ты сидишь один одинёшенек в деревенском доме за рабочим столом. И трудно, до нестерпимой душевной маяты, продвигается написание произведения, потому что нет покоя в природе, а, значит, и нет покоя у тебя в душе. Так мы связаны, соединены невидимыми нитями со всем тем, что происходит вокруг нас. Соединены до того, что даже физически ощущаем себя чем-то единым с тем великим пространством, что названо нашими далёкими предками Русью, Россию.

Мне кажется, что Николай Петров очень органично связал всю свою, уже достаточно долго прожитую жизнь с этим великим пространством, от которого не только многое получил, но и сам которому готов отдать большую часть своего неравнодушного сердца. И это, может быть, самый главный вывод, самое главное чувство, к которому он пришёл через написание своих стихов.

Русская пословица говорит: «Где родился — там и пригодился». Семёновская земля уже рождала для России больших поэтов, которые затем хорошо послужили своей стране.

Но не всем дано быть знаменитыми, первооткрывателями. Но разве малые лесные реки менее значимы для нас? И разве не из них в итоге зарождаются великие потоки, которые затем несут свои воды через многие просторы?

Так и в поэзии — каждый искренний голос для нас должен быть значим, сбережён для потомков, для русской литературы, культуры. Только бы пишущий был перед нами не лукав, а честен, не стяжате́лен, а откровенен, не себялюбив, а открыт, готовый к служению во имя родной земли. И тогда ему воздастся по делам его — талантами и признательностью.